

Превзошедший Карла Фаберже

Виктор КОРЧЕНОВ.

Источник: <http://viknaodessa.od.ua/old-photo/?prevzoshedshij-karla-fabertzhe-1>

В «добрые старые времена» — в период моего увлечения в Одессе коллекционированием дореволюционных и довоенных связанных с родным городом медалей, жетонов и нагрудных знаков, — таковые нередко попадались и в весьма неприглядном состоянии.

У одних была повреждена эмаль, у других отсутствовали детали креплений и всевозможные элементы. Это и отпиленные царские короны, и утерянные погоны, вензеля или же герб Одессы, и отломанные красноэмалевые пятиконечные звездочки или пожарные топоры.

И во всех этих случаях совершенно бескорыстно, просто из любви к искусству, приходили на помощь замечательные мастера Одесской ювелирной фабрики, которые тщательно ликвидировали всевозможные изъяны и восстанавливали утерянное. Словом, реставрировали. Другого слова, как энтузиасты тут даже не подобрать.

Немало молодых и способных ребят научил этому филигранному искусству один из лучших ювелиров Союза Лев Абрамович Бронштейн. В числе его учеников был пришедший в 1954 году на фабрику тринадцатилетний Сима Рудле, который к 30-ти годам в своем мастерстве

Симон Рудле, Нью-Йорк, 2005 г.

превзошел не только всех старых умельцев, но, как это зачастую случается, даже своего учителя.

Несколько изделий этого талантливое ювелира еще в шестидесятых годах с помощью специального агента были приобретены по индивидуальным заказам для Людмилы Зыкиной, Клавдии Шульженко, Генерального секретаря Леонида Ильича Брежнева и его дочери Галины. А эти люди толк в таких работах понимали.

Тремя бриллиантовыми кольцами обзавелась королева Англии.

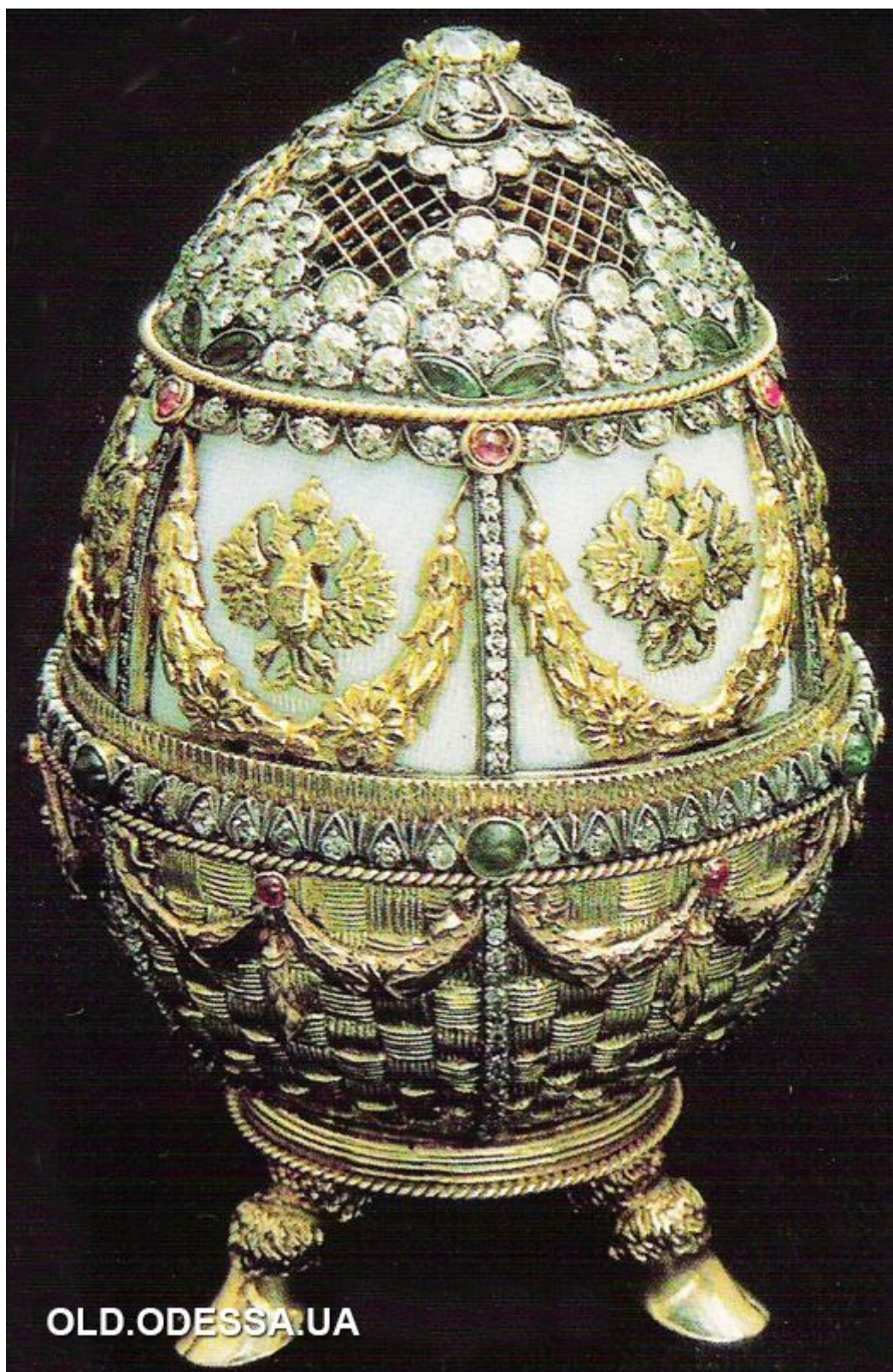
Для В.В. Щербицкого, первого Секретаря ЦК Компартии Украины, Симой Рудле была выполнена точная копия находящейся в Оружейной палате работы Карла Фаберже «Ковш». Оригинал изделия был подарен всемирно известным ювелирным гением в 1913 году Дому Романовых в дни празднования его 300-летия. Точную же копию серебряного «Ковша», с камнями и жемчугом, Рада Гавриловна, жена Щербицкого, возымела желание подарить своему мужу — партийному боссу республики на его 55-летие.

Симе, по его воспоминаниям, оформили командировку в Москву, в Оружейную палату. Там он смог посмотреть оригинал, пощупать его, сфотографировать, измерить. Но, самое главное, мастеру было поставлено обязательное условие: сделать новый «Ковш» всего за неделю. Сима собрал бригаду ювелиров из четырех человек. Он — пятый. И они приступили к изготовлению точной копии или, как теперь говорят, реплики. Всю неделю их не выпускали с фабрики, даже на ночь. Было велено ничего не разглашать. Как в тюрьму, родные приносили передачи, еду. И изделие

было выполнено в срок. Куда, как говорится, денешься? Но в процессе работы Симой была задумана хитроумная идея. Всю наружную поверхность «Ковша» он решил сделать не блестящей, а матовой. С этой целью он изготовил миниатюрное, в виде пятилистника, клеймо, состоявшее из пяти букв — первых букв имен мастеров, участвовавших в рождении их детища. Высота каждой буквочки составляла всего полмиллиметра, ширина — три десятых миллиметра. Их можно было разглядеть только под микроскопом. И этим вот клеймом-пятилистником и была прочеканена вся наружная поверхность «Ковша», придав ей приятную матовость.

Такая работа по тем ценам должна была стоить миллионы. Но «Ковш» поставили на весы, и сколько серебро завесило, за столько жена Щербицкого и заплатила — по двадцать три копейки за грамм серебра. В те-то годы!

В 1975 году Рудле был вынужден эмигрировать. Но об этом — чуть позже. Сейчас он — в Нью-Йорке. Основав свою собственную компанию, Симон Рудле вместе с дочерью Викторией на известной «золотой» манхэттенской 47-й улице создает подлинные ювелирные шедевры.

Симон Рудле. Яйцо с букетом (закрытое)

Симон Рудле. Яйцо с букетом (открытое)

Филигранной техникой исполнения он, по мнению многих специалистов, превзошел виртуозов знаменитой фирмы Карла Фаберже, которые сумели достичь самых высоких вершин в жанре декоративно-прикладного искусства. Эта фирма стала своеобразным символом эпохи царствований Александра III и Николая II.

Симону с юных лет приглянулись изысканный характерный стиль и технические приемы легендарного ювелира Двора Его Императорского Величества, начиная от мелких украшений и кончая всеми признанными пасхальными яйцами. И когда в 1996 году в Нью-Йорке в одном из крупнейших художественных музеев мира — Метрополитен-музее открылась совершавшая по стране турне выставка «Фаберже в Америке», то среди четырехсот произведений этой фирмы экспонировались и три работы

Симона Рудле. Они даже не попали в отдельный зал, где выставлялись подделки. Они находились именно среди подлинников.

Одним из принципов работы Карла Фаберже являлось условие: оригинальность рисунка, который ни в коем случае не должен был повторяться. Этого же принципа придерживается и Симон Рудле. На всех его изделиях стоит, естественно, его клеймо — личный знак ювелира. Но дело в том, что в свое время кто-то из тех, кто приобрел у Рудле его произведения, заменил на них клейма Рудле на клейма Карла Фаберже.

Во время нашей встречи наряду с некоторыми своими ювелирными изделиями Симон показал мне также каталог одного из аукционов, проведенного всемирно известным старейшим аукционным домом «Кристи», где я увидел фотографию выставленной на продажу одной его работы, исключительной по своим достоинствам. На ней стояло его личное клеймо.

Но поразительным оказалось то, что под снимком рядом с фамилией автора был указан год изготовления: «1890». Специалисты посчитали, что такую изумительную вещь никто не в состоянии создать в наши дни, и поэтому проставили год, когда в зените славы была фирма Карла Фаберже, год, который, по их мнению, наиболее подходил по технике исполнения ко времени создания этого выставленного на аукционе шедевра.

Симон Рудле — одессит, потомственный ювелир. Он родился за четыре месяца до начала войны — 22 февраля 1941 года в семье ювелира, где, начиная от деда, маминого отца, все потомки были в той или иной мере связаны с ювелирным искусством.

Дед Симы еще молодым уехал из Одессы в Москву, где стал обучаться ювелирному делу у известного мастера Раппопорта. Исаак Абрамович Раппопорт, еврей, был родом из какого-то местечка в Ковенской губернии. Приняв лютеранство, стал Юлиусом Александровичем. Учился в Берлине, затем вернулся в Россию, в Петербург. Там сперва работал подмастерьем, а потом, став серебряных дел мастером, в 1883 году открыл собственную мастерскую.

Когда же в фирму гения ювелирного искусства, поставщика Двора Его Императорского Величества Карла Фаберже заказы начали поступать в слишком большом количестве, тот стал привлекать к работе в фирме талантливых ювелиров, которые имели свои собственные мастерские. У них оставалась полная независимость, но, в то же самое время, они обязывались работать на фирму Фаберже и выполнять ее заказы.

И одним из ведущих мастеров фирмы Карла Фаберже стал Юлиус Раппопорт. В его мастерской изготавливались серебряные скульптурные изделия, в основном, фигуры животных, ювелирные украшения, серебряная посуда.

И вот, дед Симы стал учиться у знаменитого Юлиуса Раппопорта.

Будущая бабушка Симы была племянницей Раппопорта. И носила его фамилию. Дедушка с ней познакомился, когда еще учился в Москве. По воспоминаниям Симона Рудле, бабушка была великолепной и известной шляпницей и необыкновенной красавицей.

Потом внуку любила рассказывать, что, когда в Россию приезжал знаменитый французский киноактер, один из крупнейших мировых кинокомиков Макс Линдер, она с ним танцевала час с четвертью «вальс влево».

Бабушка и дедушка любили друг другу и поженились. А когда Карл Фаберже открыл отделение своей фирмы в Одессе, они переехали туда, в родной город деда.

Когда началась революция, почти все мастера фирмы уехали в свои родные края. Большинство из них были скандинавами. Но дед принял революцию и остался.

В 1918 году родилась мать Симы. Она, как и ее отец, тоже сделалась причастной к ювелирному искусству — стала резчицей по кости. Ее старший брат, родившийся в 1923 году, когда подрос, пошел работать в артель по ремонту металлических изделий, которую основали в начале 20-х годов объединившиеся вместе старые одесские ювелиры. На базе этой артели в 1939 году на Софиевской, где прежде находилась уничтоженная большевиками Архиерейская церковь, и была создана Одесская ювелирная фабрика. В начале 50-х годов там открыли цех по изготовлению золотых изделий.

Магазин фирмы Карла Фаберже в Одессе.

Начало 1900-х годов

Симон Рудле рассказывает:

«В 1924 году родились еще два маминых брата, близнецы. Когда подросли, пошли работать на ту же фабрику.

В 1940 году мать вышла замуж. Прожила с моим отцом всего год и два месяца. Началась война. Отец пошел на фронт. Дедушка, имея броню, мог не воевать. Но он не понимал, как это, мол, не воевать, и тоже ушел на фронт. Он так и сказал: «Я иду на фронт». И всем своим сыновьям, маминым братьям, они моими дядями были, дед дал распределения.

Старшему сыну, Мусе, а ему не было еще восемнадцати лет, он сказал: «Ты тоже идешь на фронт». Другому сыну, одному из братьев-близнецов, который на год моложе был, спокойный такой, рассудительный, все его «курицей» почему-то звали, в ремесленном училище тогда учился, дед сказал: «Ты со своим училищем поедешь в эвакуацию». А третьему сыну, Моне, тоже моему дяде, горячий такой, прямо, огонь был, дед говорил: «А вот ты, Моня, с семьей поедешь в эвакуацию. Будешь смотреть за всеми».

Старший из братьев, дядя Муся, погиб под Одессой, в Дальнике, во время обороны города. Мы тогда еще в Одессе были. Он снаряды подносил. Прямое попадание немецкого снаряда. Восемнадцать лет мальчику было... Это случилось на глазах нашей соседки. В одном доме до войны жили. Снайпером тогда была. Геня Головатая. За годы войны уничтожила полуторы сотни гадов. Кавалер многих

орденов. Сейчас она — Геня Соломоновна Перетятыко. В Нью-Йорке живет.

Короче, мы вместе с дядей Моней уезжаем в эвакуацию. Попадаем в Андижан. И уже там бабушка получает извещение, что погиб дедушка.

Когда Моня узнал, что погиб его отец, а он прямо огонь был, говорит бабушке: «Все. Я еду на фронт. Буду мстить за папу и за брата». И пошел в военкомат. А ему даже семнадцати лет не было. Так военком ему говорит: «Ты еще ребенок. Ты не можешь идти на фронт. Рано». Но дядя Моня был физически таким здоровым, таким сильным, что поднял стол и придавил им военкома к стене. Только таким способом ему удалось «убедить» его. Военком нехотя согласился: «Ну, хорошо, хорошо».

Моя мать, сестра Мони, она же старше была, пошла к военкому просить, чтоб тот не посылал ее брата на фронт. «Я не могу, — говорит, — он мне жить не дает». Короче, отправил.

Но отправил под Москву, в какие-то парадные войска. Подальше от войны. Моня прослужил там несколько месяцев и убежал.

От Москвы до Андижана он добирался без еды, без денег, без ничего. Приехал назад, приходит к военкому и говорит: «Ты куда меня послал? У меня погибли отец и брат. И если ты меня не пошлешь на фронт, я тебя здесь убью». Короче, военком его отправляет на фронт.

А Моня был здоровый такой, сильный. И попадает он в Восточную Пруссию, в тыловую разведку, где каждый раз надо было переходить за линию фронта и притаскивать «языка». В общем, хорошо навоевал. Стал кавалером трех орденов Славы, ордена Красной Звезды, многих других наград. Контуженный, весь простреленный. В него две пули вошли спереди, а вышли через легкие, навывлет.

В 1945 году Моню демобилизовали. По ранениям. Ему шел всего двадцать первый год.

Но получилось так, что моя бабушка еще до этого получила в Андижан извещение — Моня погиб. А у него было очень тяжелое ранение — трассирующая пуля задела сердце, была порвана сердечная пленка. Его отправили в Москву. Все думали, что Моня уже не выживет, в том числе и командир разведотделения, герой Советского Союза, который Моню очень любил. В общем, бабушка получила извещение, что ее сын погиб.

Шел 1946-й год. Мы вернулись в Одессу, и вдруг приезжает дядя Моня. Демобилизованный.

Прежняя наша квартира оказалась разрушенной, разграбленной. Нашими же. А мы до войны жили в той же квартире, где до нас был магазин Карла Фаберже. Кроме того, все знали, что дед был ювелиром, и думали, что там что-то осталось. А мы все с собой забрали, когда уезжали.

В общем, вернулись домой, а там — полная разруха. Дед пошел на «Ювелирку» работать.

Второй дядя вернулся с ремесленным училищем в Одессу и тоже пошел на фабрику. Стала работать там бухгалтером и моя мама. Дядя Моня тоже на «Ювелирку» подался, хотя и бабушка, и мама категорически были против, мотивируя тем, что он контуженный, нервный. И работа там, мол, — не для него.

Но он сказал: «Я только по папиным стопам пойду». Настоял-таки на своем, и впоследствии стал очень сильным ювелиром, известным на весь Союз.

Я в школу пошел. Шесть с половиной лет мне было. Окончил семилетку и сказал маме, что тоже иду на «Ювелирку».

Главный инженер фабрики Рузберг, который работал там еще до войны и знал всю нашу семью, с сожалением сказал маме: «Томочка, вы меня извините, но я не могу взять его в цех, где золото. Ему только тринадцать с половиной лет, и он не может быть материально ответственным. Я не имею права. Но я отдам его в такие руки, что вы всю жизнь будете мне благодарны. А ювелиром он у вас всегда станет. Если уже не есть».

То были тяжелые годы. Мама работала бухгалтером. Что она там получала? Бабушка стояла на Привозе и продавала ваниль и сахарин. Это было нелегально, но милиция ее не трогала, так как у нее муж и старший сын погибли на фронте. Помню, как вся наша семья по вечерам собиралась, и мы развешивали все это добро, кулечки клеили. В общем, делали все возможное, чтобы выжить.

Я стал работать еще с пяти — шести лет. «Играл с огнем», то-есть, паял. Паяли в то время паяльными лампами с бензином. Тогда артели пошли.

Делали разную бижутерию: латунные сережечки, брошечки и еще всякую всячину. И я все это паял. Надо было паять замки — замки паял.

Так вот, после седьмого класса я иду на фабрику и попадаю к одному из лучших в то время граверов в Союзе — Льву Абрамовичу Бронштейну, дяде Леве.

Он ко мне стал относиться буквально как родной отец. Я должен был у него проучиться два года. Но после того, как я проработал с ним всего два месяца, он сказал: «Сима, ты не будешь просто гравером. Тебе надо идти учиться рисовать».

И вот, по его совету я иду поступать в Художественное училище. Оно находилось как раз рядом с фабрикой. Фабрика — на Софиевской, а училище — на Преображенской угол Софиевской.

Когда я пришел поступать, директор училища спрашивает: «С чем ты пришел? У тебя есть какие-то работы?» А когда я учился у дяди Левы, мне как-то попался учебник истории, где я увидел картинку, которая мне очень понравилась. Мне кажется, она была скопирована с какой-то скалы или ее обнаружили в какой-то пещере. На ней были изображены два скифа. Один сидел, а другой стоял рядом с копьем. И я решил на красной меди сделать с нее барельеф. Получилось очень красиво. Это была не чеканка.

Это был самый настоящий барельеф. Я на медной пластине штихелями «поднимал» все фигуры, а остальное «опускал».

Я рассказал директору училища, что учусь на гравера и показал этот барельеф. Он спрашивает: «Сам сделал?» «Да». «Ну, тогда завтра принеси кусочек меди и какой-нибудь инструмент. Я дам тебе одну работу».

Я прихожу на другой день и приношу, что тот велел. Он дает мне какую-то картинку. Я ее перерисовываю и начинаю делать. То постоял час, посмотрел и говорит: «Все. Ты — студент первого курса. Приходи. Занятия начинаются тогда-то и тогда-то». Экзаменов я никаких даже не сдавал.

Мне было тогда тринадцать с половиной лет. А по закону я до шестнадцати лет не мог работать больше, чем по четыре часа в день. Поэтому я трудился на фабрике до двенадцати часов. В двенадцать тридцать начинались занятия в училище. Я приходил в училище и сидел там до пяти — шести вечера. И лишь потом шел в вечернюю школу. Так что, я уходил из дома утром, а приходил уже ночью.

Кроме этого, я еще спортом занимался. Уже тогда. С шести лет обучался акробатике в детской спортивной школе. Был акробатом-прыгуном. Эта ДСШ тоже в районе фабрики была. Во дворце пионеров. Так что, до работы я ехал туда, потом — на работу, потом — в училище. Таким образом, у меня был забит весь день. И заниматься какой-то дурью просто не было времени.

Даже несмотря на то, что двор, где мы жили, а это было на Екатерининской 48, между Троицкой и Еврейской, был очень большой. Там собиралось порой более ста детей со всей округи. Разница в возрасте была всего пять лет. И что только они ни вытворяли!

А напротив нас была развалка, где потом построили поликлинику. На другом углу была тоже развалка, где построили КГБ. А где мальчишки после войны пропадали? На развалках. Футбол, драки, все такое. И мы все вот так и росли.

Там были, кто угодно. Позже все курить стали, пить. И многие ребята пошли не по прямому, не по правильному пути. Но я от этого как-то отошел.

Окончил девять классов, бросил школу. К тому времени я понял, что акробатика — бесперспективный вид спорта. Она не участвовала в Олимпийских играх, не проводились первенства мира по акробатике. Короче, я бросил акробатику и перешел на бокс.

Среди нас был такой Сема, очень перспективный парень, чемпион Украины по юношам. Я был младше его на год, но на улице всегда его бил. Так вот. Перехожу я на бокс и занимаюсь им всего два месяца. А тут этому Семе надо готовиться к первенству Украины. И меня ставят с ним одним из спаринг-партнеров. И он меня как начал клепать! Я не выдержал, это же ринг, а не улица, и говорю: «Ну, погоди. Сейчас выйдем на улицу, я тебе там дам». И еще пару теплых слов добавил.

Тренер услышал и спрашивает: «Что ты ему сказал?» «Ничего». Знаменитый тогда тренер был. Бакман. Аркадий Давидович Бакман. А тренеры тогда, знаете, какие были? Это были папы. Кроме того, что они тебя учили спорту, они еще и воспитывали. И Аркадий Давидович решает: «Все. На две недели — домой».

В том зале тренировались еще штангисты и борцы. А после занятий акробатикой у меня ноги стали очень сильными — я же прыгуном был. Да и вообще был довольно сбитым мальчиком. И они: и штангисты, и борцы, все меня к себе перетаскивали.

Тренер по штанге говорил: «Симочка, ты что, хочешь быть хулиганом, что стал заниматься боксом? Еврейский мальчик — и будет хулиганом? Вот твое место. Здесь».

А тренер по борьбе, здоровый такой был, так тот вообще просто брал меня в охапку, приносил на ковер, кидал и тоже пророчил: «Вот тут твое место — здесь». Но я ему возражал: «Не, мне это не нравится. Вы все время друг под друга залазите. Это какой-то не чистый вид спорта».

В общем, когда Бакман отправил меня на две недели домой, я решил пойти на эти две недели на штангу и подкачаться. А когда перешел на штангу, оттуда уже не ушел. И всего через полтора месяца поехал в Чернигов на первенство Украины по юношам. Выиграл второе место. Это была моя первая поездка.

Мама не хотела, чтобы я занимался такими видами спорта. Но что она, работая бухгалтером, могла мне дать? Бабушка,

мама, я. Но я настаивал: «Нет, мама, я буду. Я чувствую там какую-то перспективу для себя. Ты же не можешь меня никуда послать. И что я здесь увижу? А так я буду везде ездить». В общем, уговорил ее и стал заниматься штангой.

А у меня работа — это не просто работа. Она была и по сегодняшний день является моим хобби. Я не работал, чтоб работать. Я работал, чтоб получать удовольствие, чтоб творить. И работу свою сильно полюбил. Точно так же и спорт. Спорт также стал моим хобби. И занимал даже не второе место. Он делил первое-второе место. Да и хорошая база была — акробатика. Через полтора года я выполнил норматив мастера спорта. Мне не было еще шестнадцати лет, когда я стал вторым из самых молодых мастеров по штанге.

Я продолжал учиться у дяди Левы. Всего я должен был проучиться у него два года. Но после года и двух месяцев он подошел ко мне и сказал: «Симочка, мне больше тебе нечего показывать. Ты должен переходить на разряд».

Я сделал работу и получил сразу пятый разряд гравера - инструментальщика. Самым высоким у граверов был шестой разряд. А потом уже шел «супер» — разряд.

И в пятнадцать лет я стал работать самостоятельно. Я делал штампы, пресс-формы. Но граверные.

В художественном училище я прозанимался неполный год. Только до февраля месяца. И бросил. Я взял там только то, что мне нужно было для моей будущей работы. К остальному меня не тянуло.

Правда, на другой год я опять туда пришел.

Я по-прежнему работал на фабрике до двенадцати часов, но у меня сократилась дневная нагрузка — по утрам уже не ходил на тренировки. Стал ходить вечером.

Школу я тоже бросил — не находил в ней никакого удовлетворения, она мне не нужна была. Теперь полностью смог отдаться работе и спорту.

Так вот, прихожу в училище. Директор спрашивает: «Ну, ты уже будешь заниматься?» «Буду, буду». И снова проходил до февраля. И снова бросил. Больше туда уже не ходил. Но я смог нахвататься всего того, что мне нужно было для моей работы. Вплоть до сегодняшнего дня. Мне этого предостаточно.

Я могу нарисовать все, любой рисунок, сделать любой дизайн.

На фабрике я проработал до семнадцати с половиной лет. Как-то дядя Лева сделал один штамп. Тогда еще был на фабрике так называемый алюминиевый цех. Там выпускали чашечки, ложечки всякие. И он сделал для одной чайной ложечки штамп. Большой, огромный штамп, где не было никакой станочной работы, только ручная.

Ничего вечного не бывает. Так и штамп. Он отработал два года и полетел. Вторую матрицу поручают делать мне. Дядя Лева был такой скрупулезный, работал медленно, сидел, вычухивал. В этом отношении у меня все быстрее получалось. В общем, вторую матрицу дают делать мне.

Семнадцать лет мне было. Я делаю матрицу. Все получилось. Все отлично. А дяде Леве за его матрицу заплатили тогда полторы тысячи. Мне же платят шестьсот рублей.

Дядя Лева был секретарем парторганизации. Я иду к нему. А к кому еще я мог обратиться? Подхожу и говорю: «Дядя Лева, посмотрите, Я сделал вторую матрицу, но мне уплатили почти в три раза меньше».

«Такого не может быть. Идем». И мы идем к начальнику цеха. Дядя Лева его спрашивает: «Как вы можете ему платить так мало за вторую матрицу и настолько снять расценку?» Начальник отвечает: «Лев Абрамович, он же — мальчишка. Я что, могу ему платить полторы тысячи?» «Ну, не полторы. Сними. Но не настолько же». Начальник стоит на своем: «О чем вы говорите? Как я могу платить столько? Он же ее сделал всего за две недели».

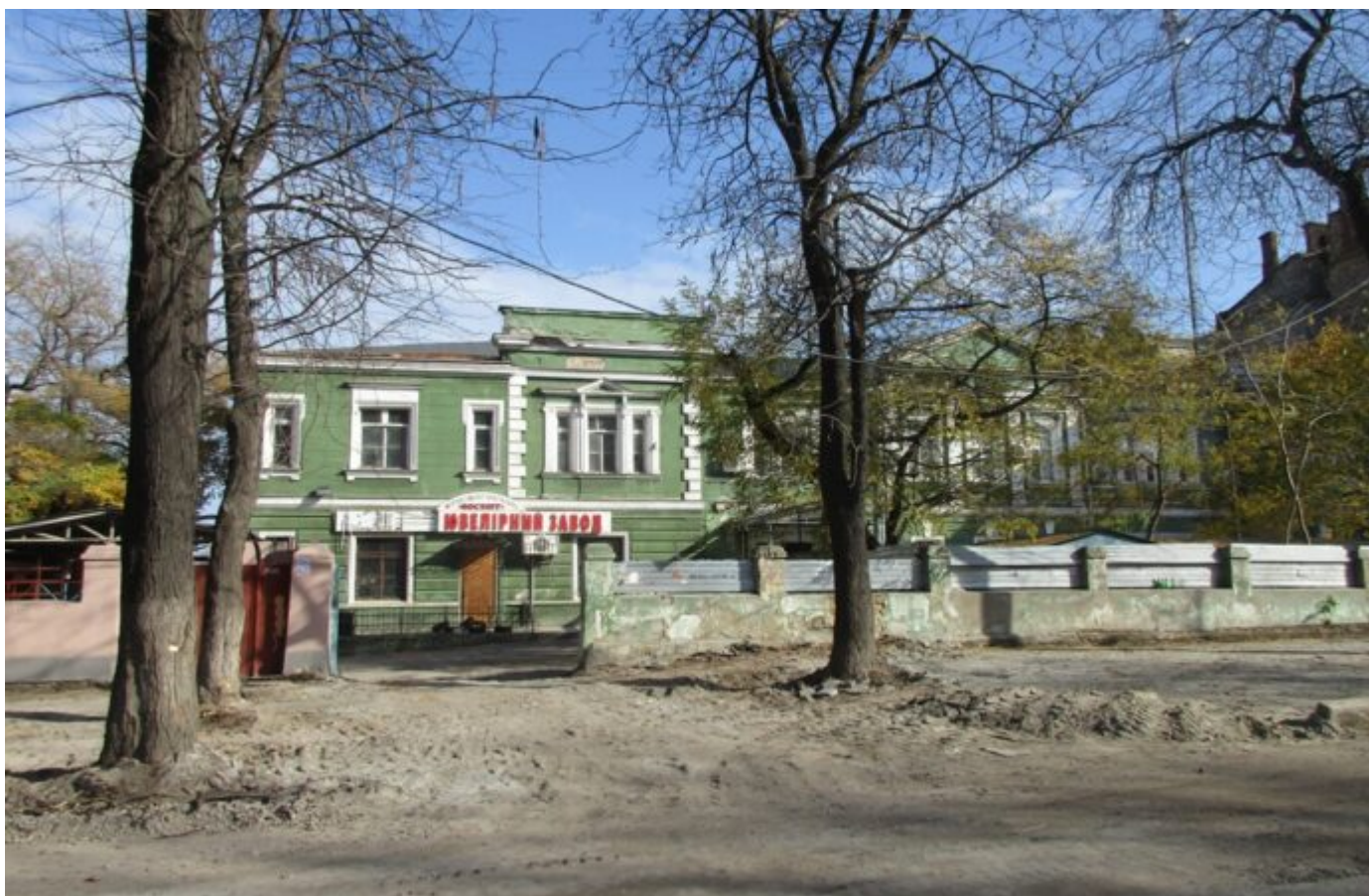
Дядя Лева возражает: «Хорошо, он ее сделал за две недели. Допустим. Матрица работает?» «Да. Все нормально, Лев Абрамович. Все работает». «Так какая же разница, за сколько он ее сделал? За две недели, за два дня или за месяц?»

Меня знала вся фабрика. А в золотом цехе, где оба мои дяди работали и где старые мастера работали еще с моим дедом, там вообще — все любили меня и относились, как к своему ребенку. Я ведь без отца рос, без отцовской ласки и добрых наставлений отцовских. Да и мама моя на фабрике той работала.

Но тут в кабинете у начальника цеха такое началось! Он на меня кричать стал: «Твою мать!» А я ему: «Вы что? Не смейте трогать мою мать!» В нашей семье мать — это святой человек был. Она прожила с папой чуть больше года. И после его гибели уже не выходила замуж, так как не мыслила, чтобы у меня не родной отец был. Только знала: работа и дом, работа и дом. Все — для семьи, все — в дом. И тут такое сказать!

Но я же ребенком еще был, и не мог дать ему по физиономии. Я поднимаюсь наверх и все рассказываю моему дяде, дяде Моне. А он — только с фронта. Контуженный. Спустился вниз, к начальнику и, долго не раздумывая, вмазал ему. По заслугам. Моне, конечно, ничего не сделали — сильно заслуженный был. Но дядя Лева подошел ко мне и говорит: «Симочка, ты должен уволиться».

Я не понимаю: «Дядя Лева, как это — уволиться?» Я такого не мог даже представить себе — я же на этой фабрике вырос. Когда пришел на «Ювелирку», мне всего тринадцать с половиной лет было, и никакого другого производства я не знал. А дядя Лева объясняет: «Это специфика таких цехов. Если ты здесь учился, тебя всю жизнь будут считать учеником. Какой бы ты ни был мастер». Я пробую возразить: «Дядя Лева, как я могу уволиться? Куда я пойду?» «Не переживай, — говорит, — я тебе дам характеристику, и все будет хорошо».

*«Одесский ювелирный завод» закрыт в 2009 году.
При реконструкции улицы Софиевская и бульвара
Жванецкого здания завода были снесены.*

И он устраивает меня на Приборо-ремонтный завод. Был такой на Водопроводной. Маленький заводик, но обеспечивал почти весь Союз штампами и пресс-формами. Специальное производство только по заказам артелей и цехов. Слава Богу, все пошло хорошо.

Я многому научился от тамошних мастеров: как строить пресс-формы, как строить штампы — все это на заводе было очень хорошо поставлено.

На «Ювелирке» же, пока учился у Льва Абрамовича Бронштейна, я освоил все станки, какие только там существовали, ибо граверы фабрики сами себя

обслуживали. Мне надо было фрезеровать — я фрезеровал, надо было строгать — я становился и строгал. А здесь я больше рисовал, чем работал на станках. Мне почти ничего не приходилось делать самому — за меня все делали фрезеровщики. И при этом стал неплохо зарабатывать. Даже приличнее, чем дядя Лева на «Ювелирке».

Раньше я приносил домой не более тысячи, а сейчас — до двух тысяч рублей в месяц.

Так я проработал на том заводе до тех пор, пока в 60-м году меня ни взяли в армию. Зачислили в спортроту. Я тогда уже мастером спорта был, призером Украины и чемпионом Союза по юношам.

За два с половиной года службы только два раза форму и надел. Спортрота в Одессе была. Жил, в основном, дома. Иногда, даже немного подрабатывал.

После демобилизации пошел работать на другой такого же типа завод, как прежде, — Экспериментальный завод штампов и пресс-форм. Находился он на Чкалова и Свердлова. Более модернизированный, более перспективный.

Меня как гравера уже знали в те годы, и за мной, можно сказать, гонялись. Еще до армии ко мне, как говорится, очередь стояла. Приезжали с просьбой сделать пресс-формы со всех концов Союза. Бенвенуто Челлини (1500 — 1571) Бенвенуто Челлини, солонка «Сальера» Бенвенуто Челлини, «Персей с головой Медузы»

Бенвенуто Челлини (1500 — 1571)

Я же настолько полюбил свою работу, что с тринадцати — четырнадцати лет стал пропадать в библиотеках и выискивать книги по своей специальности чуть ли не

Бенвенуто Челлини, солонка «Сальера»

столетней давности — учить меня уже было некому. Я учил себя сам. И как-то «поймал» книгу знаменитого Бенвенуто Челлини — итальянского ювелира эпохи Возрождения. Даже сегодня это ювелир номер один. Кем он только ни был? Он был еще и скульптором, и медальером, и художником, и гравером, и архитектором, и писателем. О себе Челлини рассказал в книге по искусству эпохи Возрождения «Жизнеописание». Он прожил бурную жизнь. Сидел в тюрьме за растрату, был обвинен в убийстве,

эмигрировал во Францию, где в 1540-х годах по заказу короля Франциска I создал один из шедевров ювелирного искусства — золотую солонку «Сальера». Не очень-то много сохранилось работ этого мастера. «Сальера» — одна из них. Она хранится в Музее истории искусств в Вене. Потом Бевенуто Челлини вернулся в Италию, где был удостоен дворянского титула.

Челлини известен сейчас и как автор скульптуры «Персей с головой Медузы», которая находится во Флоренции, в Лоджии дей Ланци.

Так вот, значит, «поймал» я его старые книги. И в них неожиданно для себя нашел, что он уже в то время стал создавать литые скульптуры по выплавляемым моделям из воска. То-есть первоначально фигуры делал восковыми. Потом заливал песком, глиной. Затем выплавлял воск. В образовавшуюся пустоту заливал бронзу, и у него получались замечательные скульптуры.

На Экспериментальном заводе, где мне приходилось изготавливать стальные пресс-формы, я решил попробовать делать, как и Челлини, восковые модели. А чтоб литье выходило чистым, заливал модели гипсом, ибо песок с глиной создавали не гладкую, а шероховатую поверхность. Теперь же литье стало выходить идеально гладким, как полированным. За два — три дня у меня получалась новая пресс-форма. И я стал зарабатывать не столько, сколько мог, а сколько хотел.

Бенvenuto Челлини, «Персей с головой Медузы»

Как-то случилось так, что в какой-то момент «Ювелирка» оказалась в затруднительном положении. Совершенно неожиданно она осталась без закрепщика — мастера, который вставляет в ювелирное изделие камни, в основном, бриллианты.

Сперва, правда, был один на всю фабрику. Иван Николаевич Матросов. Самым лучшим в России закрепщиком был. Он еще до революции вместе с Фаберже работал. Потом его даже вызывали в Москву крепить бриллианты к орденам Победы. Но, к сожалению, Иван Николаевич на «Ювелирке» за все время научил крепить всего одного человека, Шуру Грабовского. Тоже потом очень хорошо стал работать. Красиво. Но Грабовский сразу же ушел с фабрики, как только начали открываться пункты «Рембыттехники» — мастерские по обслуживанию населения.

Первый такой пункт открылся на площади Мартыновского. И он пошел туда работать. Стал спокойно сидеть и зарабатывать даже больше, чем на фабрике. Иван Николаевич к тому времени уже умер. Но когда-то он обучал крепежному делу еще и моего дядю Моню. И учил его у нас дома. Мне тогда всего тринадцать лет было, и на фабрике я только начинал трудиться. Уже работал со штихелями. То-есть, с тем же инструментом, каким работают закрепщики. И когда пробежал мимо дяди Мони и обучающего его Ивана Николаевича, то останавливался посмотреть — уж больно интересно было.

Все подсмотренное постепенно откладывалось в памяти. Но я тогда даже не предполагал, что когда-нибудь это пригодится. И вот, значит, «Ювелирка» неожиданно оказывается в затруднительном положении. В то время она была уже на хозрасчете. Делала работы на экспорт, получала валюту, покупала за границей инструмент.

Директором была тогда Фаина Константиновна Тюртюбек. На фабрику она пришла сразу после института. Сперва работала чертежницей, но постепенно выросла до директора. И вот она собрала всех старых мастеров и говорит: «Так и так. У нас — проблема. Некому крепить бриллианты. Это надо для тех заказов, которые идут на экспорт. Если мы не найдем закрепщика, мы потеряем валюту, мы потеряем инструмент, мы потеряем все. Надо срочно найти. Мне дали месяц. И если мы в течение месяца не найдем закрепщика, у нас заберут работу. Я вас собрала, чтобы вы дали какие-нибудь предложения. Может, кто-нибудь из вас знает, как что крепить?»

Старые мастера были сильными ювелирами, но они не умели крепить. А учиться уже поздно — поезд ушел. И тут Фаина Константиновна вдруг спрашивает: «Моня, а вы?» Он говорит: «Фаина Константиновна, я учился, но я это не поймал. Единственный человек, кто может, я думаю, кто может это схватить за месяц, вы его все знаете. Но я не уверен, что он сюда придет. Его в свое время здесь обидели, и я не знаю, или он придет». «Кто это, Моня?» «Сима». В зале стали обсуждать: «Сима, конечно, хороший гравер, пятое — десятое, но закрепка — это немного другое».

Короче, она подводит итог: «Моня, — говорит, — я вам поручаю. Поговорите с ним». Он приходит домой и все мне рассказывает. Я всей душой — ювелир. И всю жизнь к этому рвался. Но не получалось. Даже порой думал, что пролетел. Немного, правда, ювелирничал, но это все было не то. А Моня говорит: «Сима, так и так. Я дал Фаине слово, что ты за месяц станешь крепить».

Я колеблюсь: «Моня, я помню, как тебя учил Матросов. Я движения даже помню. Но...». Матросова тогда, как я говорил, уже не было в живых. И получилось, что мне некому показывать. Дядя Моня настаивает: «Приди, поговори с Фаиной». Я же в то время работал на «Черноморской игрушке», и у меня, конечно, новый вопрос: «Что же делать? Я же работаю. И потеряю свою работу».

Но Моня не отступает: «Поговори с Фаиной. Она тебе сделает все. Она тебе все компенсирует». Прихожу на «Ювелирку» и захожу к Фаине Константиновне. «Сима, — говорит, — ты извини, что так получилось, что ты нас потерял на столько лет. Это же все-таки твоя фабрика. Учился-то ты здесь. Все тебя знают. Ты всех знаешь. Это же ваше, семейное». А фабрика, действительно, была «наша, семейная».

Короче, она меня уговаривает в том, в чем меня и не нужно было уговаривать. Но для видимости колеблюсь: «Хорошо, Фаина Константиновна. Но я же работаю...» «Знаю, — говорит, — я сохраню тебе зарплату. Ту зарплату, которую ты получаешь на «Игрушке». А дальше будет видно. Если что-то еще заработаешь, заплачу дополнительно».

И я уже согласен. Я ведь с самого начала был уже согласен. Беру на «Игрушке» отпуск и прихожу на фабрику. И Монея стал объяснять, как и что. Но он был в состоянии только объяснить, а показать не мог. Я начал учиться по его рассказам. И вдруг вижу, у меня все получается. Это случилось, буквально, на второй день. В общем, через две недели я уже мог крепить бриллианты. Стал работать на пару с Монею. Он делал ювелирную работу, а я вставлял камни.

Работал очень быстро — я ж со «стали» пришел. Но вначале не чувствовал камня и поломал тридцать карат камней. Но Фаина говорила: «Это ничего. Я спишу. Главное, чтоб он работал».

Перешел в группу модельеров. Стал руководителем группы. У меня трудились пять ювелиров и четыре художника. Художники делали рисунки, а мы исполняли. Работа, слава Богу, пошла нормально.

Я женился. И тут приходит из Москвы на фабрику разнарядка. Каждая ювелирная фабрика Союза должна была выделить по три ювелира, которые могли бы на три года поехать в Италию на стажировку.

Кандидат на поездку должен был быть ювелиром, закрепщиком, дизайнером, гравером. В общем, он должен был быть всем. Я все это умел. На фабрике другого такого не было. Не уверен, был ли в Союзе. Мне тогда было двадцать восемь лет.

Я всегда очень любил классику. Любил оперу. Наш Оперный театр начал посещать буквально с пяти лет. Администратором была тогда мамина довоенная подруга. Мы с мамой приходили в театр, она меня усаживала в ложу и шла на работу. А к концу представления приходила и забирала. Я не пропустил ни одной оперы, ни одного балета.

А какие детские спектакли тогда ставили: балет «Конек-горбунок», оперу «Сказка о царе Салтане»! И поехать в Италию, попасть в Ла Скала — было моей почти несбыточной мечтой. А тут на три года — Италия.

Проходит недели две. На фабрику приходит преподаватель итальянского. Но изучать язык идут всего два человека. Меня не позвали. Старые мастера — к Моне: «Моня, как это так? Симка не попал, а попали вот эти». А он: «Я за своего говорить не могу. Вы — старые мастера. Вы работали еще с его дедушкой. Вы знаете всю его семью. Вы знаете, как он работает. Идите и спросите Фаину, почему он не попал».

Они собираются. Человек десять. И идут к Фаине: «Фаина Константиновна, как это так? Почему Сима не попал в эту группу?» Она достает бумагу и говорит: «Посмотрите: вот список, который я принесла в Обком партии. На каком он месте? На первом. А меня там спрашивают: «Кто это такой?» Я объясняю: «Это потомственный ювелир. Целая династия ювелиров. Считается одним из лучших в Союзе». «Нас это не интересует, — отвечают, — кто он по национальности?» «Еврей». А они там резюмируют: «Один из тех, кто поедет,

должен быть национальным кадром. А два других, кто угодно, хоть цыгане. Только не еврей». «Все, — сокрушенно говорит Фаина Константиновна, — я больше ничего не могу сделать».

В конце концов, ее же уволили за неправильный подбор кадров. Без права работы на руководящих должностях. Ее просто уничтожили. А она была порядочным человеком. Ее уволили, и она буквально бедствовала. Муж Фаины Константиновны был директором Завода Прессов. Завод мирового значения. Тот вообще застрелился.

Старые мастера вернулись и передали мне разговор с Фаиной Константиновной. Мне исполнилось тогда двадцать восемь лет. Это был 1969-й год. Заграницу только начали уезжать. Я прихожу домой и говорю: «Мама, я уезжаю».

А у меня, в принципе, все было: и квартира, и машина. Все было. И зарабатывал, сколько хотел. Но я был просто убит. У меня на глазах стояли слезы. Мне и сейчас трудно вспоминать. «Перспективы у меня здесь нет никакой, — продолжаю. Я уеду. Я не знаю, когда. Но уеду. Чтоб для тебя это не было вдруг, сюрпризом. Мы вместе уедем».

На выезд я подал заявление в 1974 году. Я, жена и ребенок. Но целых девять месяцев находился в отказе. Наконец, получаю извещение: явиться в Киевский ОВИР. Захожу к начальнику. «Ты получил отказ», — говорит. «На каком основании?» «Ты знаешь». «Нет, я не знаю». «Ты хорошо знаешь. Выйди».

«Я не выйду, пока не узнаю причину моего отказа». «Ты хорошо знаешь — валютные операции». А ни я, ни Моня к валюте в жизни близко не подходили. Что угодно, только не валюта. Даже, когда нам предлагали, мы говорили: «Нет». Поэтому, когда он сказал про валютные операции, я понял — отказ надуманный.

И говорю: «Да? Ну, тогда вызывайте милицию — пусть меня забирают. Но я отсюда не выйду. Я отсижу, но все равно уеду». И стал стучать кулаком по столу. Несколько раз он требовал выйти из кабинета, а я отказывался. Тогда он поднялся и вышел сам.

Жена вбегает и умоляет: «Что ты делаешь? Он же тебя провоцирует. Тебя посадят ни за что, ни про что. Выйди. Я прошу тебя».

По своему характеру я не люблю никуда ходить жаловаться, ходить по кабинетам. Выхожу на улицу и спрашиваю: «Ну, что делать? Куда теперь толкаться?» Тут один к нам подходит и говорит: «Сима, попробуй подойти к начальнику городского управления. На втором этаже. Начальник, правда, уехал, а это — его заместитель. Очень хороший чудак такой. Лояльный».

Я поднимаюсь наверх. Захожу в кабинет. Он на меня так смотрит: «Что такое, — спрашивает, — спортсменов тоже не выпускают?» «Нет». «А какая причина?» Хорошо, что перед тем, как зайти к нему, я успел все изложить на бумаге и спрашиваю: «Вам рассказать или вы прочтете, что я написал?»

Оказалось, он знал меня как спортсмена. Я ведь, так как у меня отец погиб на фронте, хоть и еврей, но был выездной. И везде ездил. В города-побратимы, во Францию, в Турцию, Румынию, Болгарию. Кроме того, проходили соревнования дружественных армий. Видимо, через него проходили все визы. А там фотографии были. Вот по фотографии он меня, должно быть, и запомнил.

Прочитал и спрашивает: «Где ты работаешь?» «Раньше работал на ювелирной фабрике. Но два года уже не работаю». «Как же ты живешь?» «Была мебель — продал мебель. Немного ребят тренирую. Талоны на питание выдают». В общем, стал «гнать».

Он говорит: «Ну, приходи через две недели». Я вижу, он ко мне как-то расположен. И спрашиваю: «Может, вы можете сделать как-то раньше? А то мне, действительно, уже не с чего жить. Хоть иди и грабь кого-то на улицу. Ведь девять месяцев уже жду». «Ну, приходи, — отвечает, — в следующую среду».

Через неделю я прихожу. Большая очередь. Секретарша молоденькая бегает по коридору. Она, вероятно, запомнила меня еще с прошлого раза. Подбегает и спрашивает: «Что, волнуешься?» «Я знаю...», — не очень-то уверенно отвечаю. А она тихо так, чтоб никто не слышал, успокаивает: «У тебя все будет хорошо».

После этого я уже стоял и ждал спокойно. Тут появляется тот заместитель. И меня прямо из очереди приглашает: «Идем». Я захожу. «Сядь, — говорит, — а то упадешь». «Да не, — отвечаю, — я здоровый. Выдержу».

«Сейчас пойдешь к Мише, — говорит, — получишь разрешение». И продолжает: «Я ничего против нации вашей не имею. В каждой есть и хорошие, и плохие. Просто в тот день, когда ты получил отказ, еще сто человек получили отказ. Но ни один из них не спросил: «Почему, отчего?» Ты единственный стал бить кулаком по столу и говорить: «Садите меня». Тот мне все рассказал. И я понял, что такого, как ты, не удержишь. Ты будешь там, мы будем здесь. Все мы люди. Будь здоров. Езжай. Счастливо тебе».

Так я, наконец, получил разрешение на выезд. В общем, через шесть лет после принятия решения, в семьдесят пятом году, мы уехали.

Сперва попадаем в Вену, а оттуда — в Италию. А еще в Одессе у меня ученик был. Его родные по случаю моего отъезда устроили обед. Когда я к ним пришел, отец вынес какую-то газету и говорит: «Вот, Сима, смотри, куда бы ты попал, если бы поехал в Италию». «А что там?» «А ты почитай».

В одной из статей сообщалось, что в Италии у одного из наследников основанного еще в 1884 году всемирно известного ювелирного Дома Булгари выкрали сына. И потребовали за него выкуп — миллион долларов. Это в те то годы. А это был 1975 год. И если родные не согласятся, бандиты пообещали вначале выслать в конверте ухо. А если и после этого не будет выполнено их условие, то голову.

«Вот, — говорят мне, — чтоб ты знал, куда попадешь, если будешь в Италии».

В общем, приезжаем в Италию. А у меня там, как и в Вене, много друзей, знакомых. Среди них один, зубной врач. Он ожидал выезда в Австралию. Уже больше восьми месяцев. За это время научился даже по-итальянски говорить. И я его попросил поехать со мной в Рим.

Очень хотелось найти того самого Булгари, о котором еще в Одессе читал. А мы жили где-то в двадцати километрах от Рима, в Осте, красивом курортном городке на берегу моря. Там тогда все эмигранты, в основном, жили. Снимали квартиры и жили. Нам НАЯНА, еврейская организация, давала деньги на питание, на квартиру, на одноразовое приобретение всего необходимого.

Приезжаем мы на электричке в Рим, идем в центр, где много ювелирных магазинов, и начинаем искать Булгари. Я предполагал найти его, чтоб предложить свои услуги и начать работать.

Но в какой бы магазин мы ни заходили, у кого ни спрашивали, никто ничего не говорил. Стало ясно — это результат того, о чем я читал еще в Одессе, и что нам и дальше никто ничего не скажет. Лишь позже я узнал, что выкуп он заплатил, и сына отпустили.

Так мы проходили целый день. Попадаем в еврейский район Рима. Там — синагога, все. Видим — ювелирный магазин. А я еще в Одессе перед отъездом сделал одно колечко. В старинной манере «Antique». Это мой любимый стиль. Я его предпочитаю всем другим даже по сегодняшний день. В то колечко был вставлен старой огранки камень. Около двух карат. «Давай, зайдем, —

говорю. Булгари не нашли, так хоть колечко одно продам — жить-то надо».

Заходим. Товарищ мой по-итальянски обращается к хозяйке. Мол, синьор хочет продать кольцо. Я даю ему, а он протягивает ей. Та смотрит и говорит: «О, старинное». А товарищ ее поправляет: «Нет, не старинное. Его этот синьор сделал». Она обращается ко мне: «Ты сделал?» Я отвечаю: «Yes». Английский я уже немного знал. Те последние два года, что жил в Одессе и не работал, изучал язык. А деньги тратил только на педагогов и покупку инструмента.

Рядом с нами стоял один мужчина. Высокий, интересный блондин. Хорошо одет. С маленькой сумочкой под мышкой. Хозяйка протягивает ему кольцо. Тот вынимает из сумочки лупу и начинает внимательно рассматривать. Сразу стало ясно, что он хорошо разбирается в этом деле. И тоже спрашивает: «Ты сделал?» Я ему тоже: «Yes». Вдруг он интересуется: «Хочешь работать?» «Yes», — отвечаю. И думаю: «Булгари не нашел, так хоть где-то буду работать». Он говорит: «O'ka».

Рядом дверь в дверь с этим магазином и парадная. Поднимаемся на второй этаж. Там на втором этаже как бы цех был. Сидят человек восемь, работают. Тот, кто меня привел, говорит: «Вот твое место. Садись». Я сел. Он высыпал на стол бриллианты и предлагает: «Делай». Я спрашиваю: «Что делать?» «Что хочешь». «Нет, — говорю, — я так не могу. Ты должен мне сказать, что ты хочешь: кольцо, серьги, брошь, диадему, колье». «Делай кольцо».

Я решил выполнить это кольцо в стиле Antique. Тогда все ювелиры в Италии работали, в основном, в стиле Antique. Верхнюю часть изделия делали в серебре, а нижнюю — в золоте. Потом все это патинировали, то-есть, темнили, и получалось как бы антикварное изделие. Он мне дал кусок серебра, и я начал работать.

Нарисовал кольцо, разложил камни. Весь необходимый инструмент лежал на столе — чувствовалось, что там до меня кто-то работал. Потом выяснилось, что это место самого хозяина. Но как только я начал резать лобзиком, он меня останавливает: «Достаточно. Завтра можешь выходить на работу». Я говорю: «Я приду. Но рано утром не могу — я живу в Осте, и надо ехать электричкой. Я приду к десяти часам». «Приходи, когда хочешь».

Итак, я начинаю работать. Свое место хозяин, а его звали Никола, уступил мне. В его мастерской трудились одни итальянцы. И все — мастера высочайшего класса. Никола как-то мне сказал: «Можешь делать, что хочешь». То-есть, полная свобода творчества. В Одессе такой возможности не было. И ко мне пришло какое-то необычное вдохновение. Я стал создавать такие изделия, каких не делал прежде.

Например, выполненные под старину корпуса к карманным часам, у которых открывались обе крышки. На верхних крышках я помещал выложенные алмазами рисунки в виде растительных орнаментов, птиц, бабочек. Такие часы делали лет двести тому назад. В общем, если бы меня сейчас спросили, как мне в той мастерской работалось, то «рай» — это даже не то слово.

От рая я бы не получал того удовлетворения, какое я получал у Николы с тех пор, как он меня туда взял. Во-первых, обеденный перерыв длился три часа. Во-вторых, он каждый день возил меня по ресторанам и показывал ту жизнь, какой живут итальянцы. Но, главное, я мог создавать именно то, что мне самому хотелось.

Рядом со мной трудился один мастер. Звали его Винченцо. Я как-то его спрашиваю: «Слушай, Винченцо, а где Булгари работает?» Спросил тихо, чтоб хозяин не слышал. Винченцо улыбается, ничего не говорит. С того дня я стал на него постоянно «наезжать» с этим вопросом.

Как-то, в один прекрасный день, я смотрю: все, кто там работал, стали что-то искать на полу. Спрашиваю хозяина: «Никола, ты что-то потерял?» Он говорит: «Симоне, ты сиди, работай». Они искали, искали... Даже не знаю, нашли или нет. Подошло время обеда. Иду к умывальнику мыть руки. Беру мыло. Вдруг чувствую: что-то царапает. Переворачиваю его — камень. Где-то карата два. Приличный камушек. С такими камнями мне у нас в Союзе не очень-то часто приходилось сталкиваться. Только, когда на экспорт работали. Я подхожу к хозяину и спрашиваю: «Никола, ты не это искал?» Он, как увидел в мыле камень, сильно благодарить стал. И после этого еще лучше начал ко мне относиться. Ключи стал доверять от цеха, от сейфа. В общем, полное доверие.

Да и зарабатывал я очень хорошо. А все родственники, которые со мной приехали: и жены родственников, и мой дядя со всеми своими — все жили в Италии за счет того, что

давала НАЯНА. У меня тогда была шикарная самостоятельная квартира с большим балконом, который выходил на станцию. Я возвращаюсь на электричке с работы домой — все стоят на балконе. Меня ждут. Стол накрыт. Все, слава Богу, могли у меня питаться. Одной большой семьей жили.

Подошло время отъезда в Америку. А к Николе в последнее время каждый Божий день приводили какие-то делегации, каких-то звезд, каких-то артистов с Ла Скала. И он всем на меня показывал. И им мои работы показывал, какие я ему делал. И все на меня показывали. Но что они там итальянски говорили, я понятия не имею.

Созданные же Николой для моей работы условия были такими, что я не могу забыть их по сегодняшний день.

Короче, когда подошло время уезжать, я подхожу к Николе и говорю: «Никола, ты меня извини, но я должен уехать». «Куда уехать?» Он даже не подозревал, что я нахожусь в Италии временно и что вообще уехал из Союза в эмиграцию. «Я должен ехать в Америку». «Симоне, ты что, crazy? В Америке люди — не братья. Там ни у кого нет друзей. Там нет такого, как здесь, где все — братья. Там все — звери. Там две проблемы: деньги и банк. Куда ты едешь?»

Я ему объясняю: «Я должен уехать, потому что за мной должна ехать вся моя семья. Восемнадцать человек. И все — ювелиры. И всем им я должен подготовить места. Я приехал первым, как самый молодой и самый грамотный в этом отношении».

Никола «Хорошо, — говорит, — подожди». И уходит. Приходит через два часа, приносит чистые бланки парламента и департамента Италии и говорит: «Симоне, ты заполнишь эти бумаги, и через месяц станешь итальянцем.

У меня к тебе есть предложение. Нас тут в бизнесе два брата. Ты станешь нашим компаньоном. Никаких денег, ничего не надо. Ты будешь заниматься производством, а мы — сбытом. Ты говорил, что сюда должна приехать твоя семья — я им тоже сделаю документы. Я их всех благоустрою. Я не знаю, какие они мастера, но они все будут обеспечены».

А я последние три месяца ездил на его машине. У него «Ситроен-Мазарати» был. Так я на ней ездил даже больше, чем он. А Никола продолжает: «Тебе нравится моя машина — ты будешь иметь такую же. Ты будешь иметь дом. Ты будешь иметь все в доме. У нас сейчас большие расходы — мы открываем большие магазины в Нью-Йорке и Милане. Но все, что тебе нужно будет, ты будешь иметь». И вдруг добавляет: «Ты искал Булгари. Так это я. Подумай».

Думать, к сожалению, уже было некогда. Правда, я еще на всякий случай, позвонил своим друзьям в Нью-Йорк. «Симон, ты что? — спрашивают. Ты будешь здесь иметь больше, чем там. Даже не думай — езжай в Америку». И я уехал. Но как только мы сошли с трапа самолета, я жене говорю: «Я хочу назад».

Никола Булгари

Есть такое выражение: «God bless America». Действительно, эта страна многим помогла. Но я не восхищен ею. Несмотря ни на что. Это не то, что я бы хотел для себя. Италия, наоборот, пришлась мне по душе. Это страна, в которой зарождались и по сегодняшний день живут рядом классическая архитектура, живопись, скульптура, музыка, мода, все самое красивое. Эта страна создана для получения людьми наслаждения. Все приветливые, душевные. Там совершенно разные по социальному положению люди могут разговаривать на равных.

В Америке этого нет. Я и по сегодняшний день жалею, что уехал из Италии. Однако за многие годы мы с женой оказались слишком связанными с Америкой. Но когда меня спрашивают, я всегда отвечаю, что вернулся бы в Италию в любой момент.

В общем, прилетаем мы в Америку. Был январь 1976 года. Долго на шее у НАЯНЫ я сидеть не хотел — не для того приехал. Жили мы у моего знакомого. А вместе с нами там еще обитал один мой бывший ученик, армянин.

С трудом я его уговорил поехать со мной на знаменитую «золотую» 57-ю улицу в Манхэттене. Уж очень не терпелось посмотреть, как работают здешние ювелиры. Приезжаем мы с ним в Манхэттен и идем на фабрику, где он трудился. Хозяином фабрики был один поляк.

Огромная фабрика. Хозяин, оказывается, уже слышал обо мне от моего ученика и спрашивает: «Сколько ты хочешь зарабатывать?» Я отвечаю: «Ты мне сначала дай работу, а когда я ее сделаю, мы поговорим».

Хозяин соглашается и предлагает выполнить одно изделие — кольцо. Я его изготовил. Он меня вызывает и говорит: «Ну, что. Ты сделал великолепно. Я тебе скажу честно: до тебя такое же кольцо делал твой ученик. И не сделал.

Потом его пробовал сделать другой ювелир, твой земляк, один из лучших старых мастеров. И тоже не справился».

Тут вся загвоздка в том, что это кольцо было платиновым. А у нас никто в Одессе с платиной не работал. Но когда я там еще жил, то прочел массу книг по ювелирному искусству. По библиотекам ходил, по барахолкам. И даже постепенно собрал великолепную библиотеку, где были книги даже столетней давности. Причем, как русские, так и иностранные. Иностранные мне переводили. Я своей работой фанатировал. И, как уже говорил, трудился не ради того, чтобы заработать на кусок хлеба. В свои произведения я вкладывал всю душу, всю свою фантазию. Работа стала моим хобби, моим любимым увлечением.

Пришло время, когда меня учить уже некому было. Тогда я начал учиться по старым работам и стремился выполнять свои изделия такими, какими видел их в старинных изданиях. Затем стал находить описания технологических процессов. Таким образом, я все узнал и о платине.

Уже позже мне стало известно, что то платиновое кольцо я выполнил так, как никто до меня в Америке не делал. У меня совсем не было видно пайки, мест соединений. Я работал очень чисто. Немногие так выполняли свои изделия.

Только, пожалуй, такая всемирно известная фирма, как Картье или ювелирный Дом «Ван Клиф и Арпелс». Но это — французские фирмы. Франция и Бельгия — это вообще страны, где мастера работают в старинном стиле. Да и в Италии, пожалуй, также производят изделия, какие выполняли двести с лишним лет назад.

Короче, тот поляк, хозяин фабрики, говорит: «Ты сделал исключительно. Сколько хочешь получать?» Я ему отвечаю: «Ты работу видел. Ты работу видишь. Скажи сам, сколько будешь платить. Назовешь мало — я тебе не постесняюсь сказать». Он предлагает: «Знаешь, что? Я сейчас здесь на бумаге напишу цифру. Если ты скажешь меньше, я тебе все равно буду платить столько, сколько здесь написал. Если ты скажешь больше, мы с тобой будем договариваться».

А еще перед этим мне мой бывший ученик посоветовал: «Сима, если тебе со старта дадут шесть — восемь долларов в час, не дергайся. Когда я приехал, мне дали четыре». И я прикинул: шесть — восемь долларов в час — это пятьдесят долларов в день. А на пятьдесят долларов в те годы, а это был 76-й год, можно было купить продуктов на целую неделю. И целую неделю жить. Вроде бы, недурно.

А хозяин подгоняет: «Ну, говори». «Что ты со мной играешь в кошки -мышки? — спрашиваю я его. Покажи, сколько ты собираешься платить?» Он отрывает руку от стола, а там на бамажке написано: «15 долларов».

«Нет, — говорю, — за пятнадцать я работать не буду». «А сколько ты хочешь?» «Ну, хотя бы двадцать». Стали торговаться, туда — сюда.

В общем, хозяин предлагает: «Знаешь, что? Я тебе пока дам шестнадцать пятьдесят. А когда ты немного поработаешь, я добавлю». Я же, честно говоря, был готов и на пятнадцать тоже. Но шестнадцать пятьдесят — все же лучше.

И соглашаюсь: «Хорошо. Но ты добавишь, как обещал». Он подтверждает: «Добавлю». И я начинаю у него работать. Все хорошо, все нормально. В один прекрасный день я прихожу на работу, а мне менеджер не выдает мой ящичек, где лежали камни, золото. А там был заведен такой порядок: в конце дня ювелиры свои ящички сдавали в сейф, а когда приходили на работу, получали их обратно. А менеджер между тем говорит: «Хозяин хочет с тобой поговорить».

Я дождался его прихода и захожу. И Джон, хозяин, обращается ко мне: «Симон, говорит, — ты меня извини, но я не могу платить тебе такие деньги. У меня просто нет работы на такие деньги». Я отвечаю: «Я тебя понял».

Поворачиваюсь, выхожу из кабинета и иду собирать свой инструмент. Хозяин подходит и спрашивает: «Что ты делаешь?» «Ты что, не видишь? Собираю инструмент», — отвечаю. И продолжаю: «Я на меньшее работать не буду. А если ты захочешь, чтобы я остался, будешь платить уже больше». И ушел.

У того поляка я работал всего четыре часа в день. Дело в том, что мне очень нужно было свободное время, чтобы познакомиться с постановкой ювелирного дела в Америке, определить, кто как работает.

А тогда все приехавшие в Нью-Йорк эмигранты имели возможность бесплатно посещать курсы английского языка. Мне это уже не нужно было, однако я хозяина предупредил, что буду работать у него до полудня, а потом буду уходить на курсы.

На самом же деле я ходил по магазинам, приглядывался. Как-то на 47-й улице гляжу: в одном из магазинов — очень красивые изделия. И какой-то еврей одиноко стоит. Мы разговорились. Я ему все о себе рассказал. Вероятно, я ему понравился, и он советует: «Симон, ты никуда не спеши. Сперва купи дом, потом помаленьку начнешь раскручиваться». Еврея этого Хаимом звали. И я ему отвечаю: «Хаим, если бы я здесь родился, то можно было бы и помаленьку. Но у меня — жена, ребенок. У меня нет времени на помаленьку. Мне прямо хоть сейчас надо в бой».

Тогда Хаим рассказал о себе. Он приехал в Америку из Германии еще в 1939 году. Имел там свою ювелирную фабрику. На ней работало примерно триста человек. Хаим мне даже фотографии разные показал. Когда Гитлер начал гонение на евреев, он собрал всю фабрику, загрузил ювелирными изделиями восемь контейнеров и приехал сюда.

«Здесь, — говорит, — ты мне можешь поверить? Я брал сумочку, клал туда два изделия, ходил по улице и продавал их. Тогда это все было еще не на 47-й улице, а в Чайна-таун. У меня же двое детей. Их тоже надо было кормить. И я тебя очень понимаю».

Тут он показывает на все ювелирные магазины на этой «золотой» 47-й улице, где мы находились, и продолжает: «Посмотри на них — они же все бандиты. Сейчас — 76-й год. Так они и сегодня стоят и торгуют теми изделиями, что купили у меня еще в 39-м году. Да они их и не купили даже. Они их у меня даром забрали. Просто ограбили. Так что, тут не с кем даже говорить».

И тут я вспомнил слова моего итальянского хозяина Николы Булгари. А Хаима прошу: «Хаим, ты мне можешь написать на бумажке названия пяти лучших ювелирных Домов в Нью-Йорке?». Он пишет: «Картье», «Ван Клиф и Арпелс», «Тиффани», «Дэвид» и «Ливингстон». И даже адреса, где они находились.

Я спрашиваю: «А кто из них самый-самый?» Он говорит: «Картье». И мы попрощались. Первый, к кому я иду, — Картье. Прихожу на фабрику. Выходит супервайзор и спрашивает: «Ты откуда?» «С России». «О, рашн. Это интересно. А что ты делаешь?» «Я делаю все, что связано с ювелирным искусством. Что вы мне ни дадите, я сделаю. Надо сделать дизайн — я сделаю дизайн. Надо будет сделать чеканку — я сделаю чеканку и гравировку. Скажете сделать ювелирное изделие — я сделаю. Закрепить камни? Я закрепляю камни. Положить эмаль? Я кладу эмаль».

Он так посмотрел на меня и говорит: «Это интересно. Дай мне свой телефон — я тебе позвоню». Я даю телефон и думаю: «Все отлично, позвонит».

Приезжаю вечером домой и рассказываю все моему бывшему ученику. «Он не позвонит, — говорит. И на работу не возьмет». «Почему?» «Потому что здесь — узкая специализация. А так как ты сказал, что делаешь все, то в его понимании ты не делаешь ничего. Ты выбери себе что-то одно и говори только это одно. А иначе на работу вообще не устроишься».

«Ясно, — отвечаю. А кому платят больше всего?» «Больше всего платят модельерам». Модельеры — это ювелиры, создающие образцы, самые первые изделия, которые впоследствии можно тиражировать. И уже на следующий день я иду к Дэвиду Лэп. А фирма «Дэвид Лэп» в то время была одной из самых больших американских ювелирных компаний. Я прихожу. Опять выходит супервайзор. Я ему говорю: «Я ищу работу». «Откуда?» «Из России». «Чем ты занимаешься?» «Я модельер».

«Модельер? Из России? Нас это интересует. Выходи завтра на работу». Я прихожу, и повторяется ситуация с устройством на работу у Николы Булгари.

Этот супервайзор также высыпает камни на стол и говорит: «Делай, что хочешь». Я ему: «Нет, вы мне скажите, что вы хотите, чтоб я сделал. И я выполню любое ваше задание».

Как модельер, я под эти камни должен был продумать дизайн, сделать рисунок и осуществить изделие. «Делай кольцо», — говорит. И я начинаю работать. Но вознамерился сделать не простое кольцо, а необычное по дизайну и довольно сложное по исполнению.

Я замыслил расположить камни как бы ярусами, один под другим. Но что. В России мы никогда не собирали изделие из предварительно выполненных элементов. Мы делали полностью готовую работу, а закрепщики потом крепили камни. Но предварительно мы должны были подготовить для тех камней места еще до того, как припаяли верхнюю полочку, чтобы закрепщики могли подвести под нее камень. Они тогда заводили камень с одной стороны, а с другой поджимали его.

В общем, я сделал это сложное кольцо, и супервайзор понес его на закрепку. Чтоб закрепщики, значит, закрепили камни. А те вдруг отказались это делать. Просто посмотрели на кольцо и сказали, что камни закрепить невозможно — они не поняли, как завести камни один под другой. И даже не заметили, что мной для их работы были предварительно подготовлены специальные прорези.

Супервайзор приходит и говорит: «Симон, ты эту работу сделал исключительно. Но ты плохо думаешь. Ты не предусмотрел, что после тебя должны еще работать люди. Как туда завести камни?» Я ему отвечаю: «Ну, если твои закрепщики не могут, я сам это сделаю». «А ты еще и закрепщик?» «Немного», — отвечаю. И улыбаюсь. «Ну, тогда, — говорит, — приходи завтра, получишь камни и будешь крепить».

Назавтра я выхожу. Уже на другой этаж. Менеджер этого закрепочного цеха, итальянец, стал для меня развешивать камни. Я жду. Там, примерно, двенадцать закрепщиков работало.

И чтобы не терять время, я решил подойти к одному из них, чтобы посмотреть, как он работает. А тот аккуратненько так, щеточкой почистил ручки, спрятал свою работу в ящик и стал задавать вопросы: «Откуда я? Что я? Чего я?»

Я сперва не понял. Подошел ко второму. Та же история. Этот тоже все спрятал. Только теперь до меня дошло, что они попросту не хотят показывать, как они работают. Я отошел. Менеджер развесил камни. Я его прошу: «Покажи мне, пожалуйста, какую-нибудь готовую работу ваших закрепщиков самого высокого класса». Тот показывает несколько изделий. Действительно, лучше мне здесь не попадались.

Короче. Я стал крепить. По обе стороны от меня работали другие закрепщики. Им же интересно. И они все время поглядывали, что я делаю. А эта фирма была единственной в Нью-Йорке, где закрепщикам платили почасово. В других компаниях платили за закрепленный камень. Здесь же могли закрепить пять — десять камней в день, а им платили, как тем за сто. В общем, я за час закрепил почти пол кольца. Всего же в нем было что-то около тридцати камней.

Смотрю, мои соседи стали о чем-то переговариваться. А в том цехе работал один армянин. Приехал из Турции. Видимо, считался самым лучшим мастером, и все к нему прислушивались. Он с моими соседями тоже стал шушукаться. Подходит ко мне и говорит: «Покажи, что ты делаешь».

Я вытираю руки, как они это делали, положил работу в ящик и спрашиваю: «Откуда ты? Откуда я — я тебе сказал. Теперь ты скажи, откуда ты». Они все стали смеяться, что я ответил тем же. «Да ладно, — говорит, — покажи, что ты делаешь». «Когда закреплю, — отвечаю, — я тебе покажу».

Закрепил я это кольцо еще задолго до обеда. Там, в принципе, нечего было делать. Все ж заранее подготовил. Но закрепщики-то этого не заметили.

Этот армянин меня спрашивает: «Куда ты спешишь? Нам же платят почасово. Мы в день делаем меньше». Я говорю: «Так то — вы. А это — я». А тот менеджер, итальянец, которому я отдал готовое кольцо, сказал армянину, что я великолепно работаю. И этот продолжает интересоваться: «Сколько лет ты в Америке?» «Две недели». «Как две недели? Ты что, супермен?» «Чего я супермен?» «Ты за две недели стал так крепить камни?» «Не за две недели. Я креплю камни с тринадцати лет». «Где, в России? В России ж нет бриллиантов». «Ты ошибаешься, — отвечаю, — еще как есть». Они, оказывается, даже не представляли, что в России тоже могут носить украшения из драгоценных камней.

В общем, подходит ко мне супервайзор и говорит: «Симон, ты очень хороший ювелир. Но как закрепщик ты еще лучше. Будешь работать на закрепке». Я отвечаю: «Нет, не буду». А я закрепку не любил. И говорю ему: «Я буду крепить только те изделия, которые сам сделал. Но не чужую работу».

А он в ответ: «Да ты что? Нам надо сейчас срочно крепить. Скоро шоу». В общем, пятое — десятое. И я иду ему навстречу: «Ну, хорошо. Немного покреплю. Но на будущее на меня не рассчитывай». Так я отработал у «Дэвида» две недели. Закрепка, закрепка. Закрепка, закрепка...

Я супервайзора спрашиваю: «Когда же будет ювелирка?» «Нет, — говорит, — мне сейчас надо». И я продолжаю крепить. И все лучше и лучше. Ему это, конечно, подходит. А я у «Дэвида» тоже работал по четыре часа в день. Как у поляка. С утра и до обеда. А после обеда уходил. Фирма «Дэвида» находилась на 57-й улице, между 5-й авеню и Мэдисон авеню.

А через дорогу находился ювелирный Дом «Тиффани». И я, отработав у «Дэвида» четыре часа, прихожу в компанию «Тиффани». «Ищу работу», — говорю. «А где ты работаешь?» У «Дэвида». Услышав, что работаю у «Дэвида», они поняли, что я не просто с улицы пришел.

Обращаюсь к ним с просьбой: «Я хотел бы посмотреть ваши работы». О Льюисе Тиффани, наследнике основателя всемирно известной компании Чарльзе Тиффани, я слышал еще в Одессе. Я знал, что он — известный американский художник и дизайнер, что его лампы, созданные из остатков цветного стекла, получили мировое признание. Знал также и то, что он приезжал работать к Карлу Фаберже, но не прижился там — Фаберже работал намного лучше. Но Тиффани все же выпустил много изделий в стиле работ Фаберже.

Мы поднимаемся на второй этаж. А там — прямо музей. Действительно, работы очень красивые. Но... Это не «Фаберже». И я говорю: «Если вы будете давать мне делать такие работы, то я с удовольствием к вам перейду». «Конечно, конечно». И я перехожу к «Тиффани». Вернее, до двенадцати часов я работал у «Дэвида», а потом переходил через дорогу и шел к «Тиффани». И с часа дня до пяти работал там.

Мне дают первое задание — обручальные кольца. Но их не надо было изготавливать. Их надо было попросту собрать. Пять сделанных на машине колечек в виде крученой, как канатик, проволоки предстояло сложить вместе и перехватить тремя тоже готовыми «Х»-образными литыми соединительными элементами с бриллиантиками. Их тоже машина делала. А собрать предстояло мне. Десять таких колец дали. Ровно через час я их возвращаю. «Что такое, — спрашивают меня, — что-то не годится?» «Нет, — отвечаю, — все готово». «Как готово?» «А что это за работа? Тут же делать нечего. Ты мне вначале показывал другую работу, музейную. А это что?» Он говорит: «Но нам именно это надо. Я тебе дам еще двадцать штук».

Меня это возмутило, и я его спрашиваю: «Сколько вам всего нужно таких колец?» «А что?» «Слушай меня, — я ему говорю, — поставь возле меня ведро с кольцами. Я тебе это ведро сделаю за два дня. И чтоб ты ко мне больше с этим не подходил». В общем, я у него проработал меньше недели и спрашиваю: «Другая работа будет?» «Нам нужно пока только это». И я от «Тиффани» тоже ухожу.

Ухожу от «Тиффани» и иду в компанию «Ван Клиф и Арпелс». Прямо по диагонали от «Тиффани». Захожу в магазин. За прилавком — очень красивая женщина. Продавец. Здравуемся. Я ей показываю одно свое изделие, которое начал делать еще в Италии: браслет в виде змеи, у которой каждая чешуйка двигалась. Сложнейшая работа. Я ее к тому времени еще не закончил. Показываю и начинаю рассказывать.

А та женщина вдруг спрашивает: «Какой ваш родной язык?» «Русский». И она вдруг начинает со мной разговаривать по-русски. Да так, что я даже представить себе не мог: правильно, чисто, грамотно. Я спрашиваю: «Откуда к вам русский?» «Я русская. Но родилась во Франции. Мои родители покинули Россию еще до революции». И, посмотрев на браслет, сказала: «Сейчас я его покажу хозяину. И вы с ним побеседуете».

Выходит Ван Клиф, хозяин. Эта дама обращается ко мне: «Покажите ему». Ван Клиф посмотрел и спрашивает: «Хочешь работать?» «Хочу. Мне нравятся ваши изделия. Европейская работа. Американские мне не по душе».

«Где ты работаешь?» «Я работал у Дэвида и в компании «Тиффани». «Хорошо», — говорит Ван Клиф, пишет записку и продолжает: «С этим пойдешь на фабрику. Там тебя примут. Попробуешь». Прихожу на фабрику. Меня берут на работу, и я начинаю трудиться. И тут мне создают условия в точности такие же, какие мне в свое время создал Никола Булгари.

Ко мне снова вернулось мое прежнее вдохновение. И, как прежде, я от своего творчества стал испытывать чувство полного удовлетворения. Я приходил, когда хотел. Я уходил, когда хотел. Они на все закрывали глаза — только работай.

У Ван Клифа была заведена интересная традиция. В июле его бизнес закрывался, и все уходило в отпуск. В первую субботу после отпуска для сотрудников фабрики он устраивал на свежем воздухе так называемое пари. С ударением на «а». По-нашему, пикник, званый обед. А у него был друг, закрепщик. Еще до войны стал Олимпийским чемпионом по плаванию. Однажды его неожиданно парализовало. И Ван Клиф купил ему дом с озером в красивой местности на севере штата Нью-Йорк. Чтоб тот поближе к воде был. И после отпуска, в субботу, когда мы уже выходили на работу, Ван Клиф ежегодно у своего приятеля устраивал пари. Вся фабрика туда приезжала. После него, по традиции, по кругу, такое пари устраивал каждый из работников фабрики. А на ней кто только ни работал: и греки, и чехи, и доминиканцы. И каждый, кто устраивал обед, должен был приготовить свое национальное блюдо.

Приходит моя очередь. Ван Клиф подходит и говорит: «Симон, ты меня извини, но до тебя у меня русских никогда не было. Что мы должны принести на твоё пари?» Я ему отвечаю: «Рене, у русских на пари ничего не приносят и два дня до этого ничего не кушают». Он сперва не понял, а потом рассмеялся.

Я жил в Бруклине. Квартира была такой большой, что я мог всех гостей принять и рассадить. А их пришло человек тридцать, не менее. Стол накрыли «Хохломой» — деревянной посудой со знаменитой хохломский росписью. Мы ее еще из Одессы привезли. Жена приготовила большой обед. Русский борщ, вареники и все такое. И, конечно, черная и красная икра, в специальные, опять-таки, хохломские корытца разложенная. Жена Ван Клифа спрашивает: «Я где же знаменитая русская икра?» «Да вот, перед тобой стоит». Она даже не могла себе представить, что икра может лежать на столе в таком большом количестве. Так она ее прямо ложкой ела.

Обед получился — то что надо. Наши гости тогда так наелись, что у Ван Клифа отлетели даже пуговицы от рубашки, когда он ее застегивал. И когда даже сейчас я многих из тех моих гостей встречаю на улице, они вспоминают: «Такого пари, какое было у тебя, мы прежде никогда не видели, и, наверное, уже никогда не увидим».

В той квартире, где я устраивал званый обед, были огромная гостиная и три спальни. И одну из них я приспособил под мастерскую. Еще перед отъездом из Одессы, продав мебель, я все вырученные деньги потратил на покупку необходимого инструмента. Привез сюда две с половиной тонны. Даже инструменты моего дедушки, которыми работал и которым было более ста лет. Рига тогда выпускала хорошие верстаки. Я купил и тоже сюда привез. И у меня получилась такая кукольная мастерская. Все висело по стенам, все было под рукой.

Дома я паял еще «по-дедовски». С помощью дедушкиной фефки. Фефка — это небольшой сосуд, в котором находился пузырек с бензином. Там — две изогнутые «Г» — образные трубочки. В одну из них я дул, а из другой за счет давления выходил боковой жаркий огонь для пайки ювелирных изделий.

В Союзе тогда фефки еще применялись, а здесь современные мастера пришли в полное изумление: «Как ты можешь этим паять? Как можно, дуя, давать такой огонь, что плавится металл?» Удивляя их еще больше, я отвечал: «Вот этой штукой я могу спаять волосяные проволочки. А могу сделать такой огонь, что расплавлю сто грамм металла». Они просто обалдели тогда.

А когда это увидел Ван Клиф, то буквально взмолился: «Симон, — говорит, — у меня есть одна работа. По-моему, только ты в состоянии ее сделать. Я обращался ко всем всемирно известным мастерам, во все компании. Я был у «Картье», я был у «Тиффани». Где я только ни был. Но никто не взялся делать. Завтра я принесу тебе ее на работу».

На другой день приносит. Это была царская русская корона. Но в каком состоянии? Она буквально рассыпалась. Кое-где ее лепестки были подвязаны ниточками, кое-где прикручены проволочкой, кое-где припаяны оловом. «Ты сможешь вернуть ее к жизни? — спрашивает. А если будут недоставать какие-то детали — сделай новые». «Работа большая, — говорю. Но попробую. Мне самому интересно».

Прежде, чем начать, я сделал с этой короны более сорока снимков. Со всех сторон. И каждый фрагмент в отдельности. И лишь после этого положил в ведро с кислотой.

Через два дня эта корона была уже не корона — все детали лежали на дне ведра. Я их вынул, почистил, доделал недостающие элементы и по фотографиям все собрал. В общем, вернул-таки корону к жизни. Она стала совсем, как новая. И тогда только Ван Клиф смог ее выставить в витрине своего магазина на 5-й авеню угол 57-й улицы.

А там, где я работал, на углу 5-й авеню и 52-й улицы, помещался магазин «Картье». Недалеко оттуда располагались фабрики «Картье», «Ван Клиф» и другие. В том же районе, в подвальном этаже одного из зданий, находилось кафе, где в обед собирались все ювелиры. В американские «общепиты» я никогда не ходил, так как не признавал их еду. Все брал с собой.

Проходит некоторое время. Как-то ко мне подходит один грек, тоже ювелир, и говорит: «Симон, там один человек от «Картье» хочет с тобой поговорить. Ты сможешь завтра зайти в кафе?» «Хорошо», — обещаю я.

Прихожу. Спускаюсь вниз. Встречает меня тот супервайзор фирмы «Картье», к которому я когда-то к первому из всех пришел устраиваться на работу. «Ты помнишь меня?», — спрашивает. «Конечно, помню. И до сих пор жду твоего звонка». «Ну вот, считай, что я позвонил», — говорит. «Что дальше?», — спрашиваю. «Ты собрал эту корону?» «Я». «Хочешь пойти к нам работать?» «Нет». «Ты же хотел».

«Когда я хотел, ты не хотел. А теперь я не хочу». Когда я пришел работать к Ван Клифу, сразу стал получать по двадцать два доллара и пятьдесят центов в час. Он даже не торговался. То было еще в 76-м году. Это все равно, что теперь двести долларов в час.

А супервайзер «Картье» продолжал настаивать: «Мы тебе будем платить по двадцать два доллара и пятьдесят центов в час. Со старта. А потом станем добавлять». «Нет, не пойду». «Хорошо. Мы будем платить больше. Зачем тебе Ван Клиф?» «Даже, если вы будете мне платить вдвое больше, все равно не пойду, — отвечаю. Ты меня плохо знаешь. Ван Клиф мне поверил. А ты мне даже шанса не дал. Не хотел даже испытать меня. Я же говорил, что умею делать все. Мог поручить мне выполнить, что угодно. И теперь хочешь, чтобы я пошел к вам работать? Никогда».

«Ну, а если иногда, когда понадобится, мы будем давать тебе работу?», — спрашивает. «Ну, разве что иногда», — отвечаю. А сам думаю: «Дайте, дайте. Еще узнаете меня».

Действительно, он-таки один раз позвонил: «Надо сделать то-то, то-то и то-то». И даже не поинтересовался, сколько это будет стоить. Я все сделал. Он спрашивает: «Сколько мы тебе должны?» Когда я ему назвал цену, он воскликнул: «Ты — убийца!» «Чего я убийца?», — спрашиваю. «За такую цену?» «А тебе кто-нибудь это сделал бы, кроме меня? А ты — не убийца? Я приехал с семьей, с ребенком. Ты мне дал работу? Кто из нас убийца? Тебе подходит — я буду выполнять твои заказы. Но не надейся, что я буду спрашивать с тебя мало». Больше он не появлялся.

Отработал я у Ван Клифа восемь месяцев. И тут вся моя одесская родня получает разрешение на выезд. Я подхожу к Ван Клифу и говорю: «Ты меня извини, но я должен уволиться». «Что такое, Симон?» «Кю мне сюда вся моя родня должна приехать. Их восемнадцать человек. И все — ювелиры». «Ну, так что? Так они будут работать», — отвечает. «Нет,— говорю, — там есть пара человек, которые никогда с хозяином работать не смогут. Такие уж у них характеры. Мой дядя Моня, например. Он меня воспитал, выучил ювелирному искусству. Я ему многим обязан. Но он воевал. Был контужен. И у хозяина работать не сможет. Я им всем обязан подготовить места».

Ван Клиф только спросил: «А если мне надо будет выполнить какую-нибудь работу?» «Вне очереди, — говорю, — ты для меня столько сделал, что в любое время, днем, ночью я поднимусь и сделаю все, что ты попросишь».

Мало того. Этот Ван Клиф оказал мне еще одну огромную услугу. Он оформил на меня гарант до миллиона долларов на камни и на золота на три месяца. Это невозможно себе даже представить. Я мог без денег, без ничего прийти, взять золото, взять камни, успеть сделать работу, успеть продать и успеть рассчитаться. На все это у меня было три месяца. Девяносто дней.

В общем, ухожу от Ван Клифа. Открываю свою фабрику. Чтобы вся моя родня пришла туда уже на готовые места. Постепенно, помимо меня, на фабрике стало трудиться одиннадцать человек. Но это было уже намного позже.

Пока что приезжает дядя Моня. И мы начинаем работать. Клиентуры у меня еще не было, и я все складывал в сейф. А сейчас мне приходилось одалживать деньги, чтобы всем выдавать зарплату. И вот, поступает первый заказ. Из Франции приезжает человек и привозит работу на пятнадцать тысяч долларов. На то время, а это был 76-й год, очень большие деньги. Однако заказчик предупреждает: «Симон, надо сделать сто штук. Но учти: сегодня — понедельник. А в пятницу, в крайнем случае, в субботу утром я все должен получить в готовом виде. Потому что в субботу вечером я улетаю. Если заказ не будет готов, он останется тебе. И никаких залогов я не даю».

Я прикинул: есть я, есть Моня, есть его зять и двое моих учеников. За это время заказ без напряжения можно легко выполнить. В тот же день вечером, когда Моня, его зять и я на метро возвращались домой, Монин зять обращается ко мне: «Сима, я хочу, чтобы ты мне добавил». «Что добавил?» «Зарплату». Я отвечаю: «Если я тебе добавлю, то должен буду платить завтра, послезавтра и так далее. Сейчас, как ты знаешь, пришел первый заказ, и если мы его выполним к концу недели, то ты одноразово получишь премиальные. Причем, больше, чем твоя зарплата. А дальше, если бизнес пойдет, ты будешь получать больше. Пока что, как ты сам видишь, мы все, что делаем, кладем в сейф. Но зарплату я все равно всем плачу. Так что добавить пока ничего не могу».

«Тогда, — говорит, — завтра я на работу не выйду». «Ну, не выйдешь — не надо. Что я могу сделать? Я же не могу тебе приказать». Дядя Моня сидит, молчит.

Назавтра я прихожу на работу, открываю цех. Уже ученики пришли, а ни дяди Мони, ни его зятя нет. Я еще час подождал и звоню домой жене, которая к нашей работе вообще никакого отношения не имела: «Мила, срочно приезжай ко мне на работу. Ты мне нужна». Она приехала, все поняла и спрашивает: «Что я должна делать?» «Будешь шлифовать. Я покажу». Ученики уже что-то умели и делали всю черную работу.

Я с фабрики неделю никуда не выходил и даже спал там. Короче, мы выполнили этот заказ в срок. Я прихожу домой и иду к маме. Мама была самой старшей в семье, старшей сестрой дяди Мони. И буквально со слезами на глазах ей все рассказываю. «Монин зять, — говорю, — меня мало интересует. Но вот, чтоб Моня не вышел на работу... Я от него никогда такого не ожидал. Он же всю жизнь был мне за отца родного. Другое дело, если бы я знал, что они нашли другую работу, и им там предложили больше. Они нашли лучше — что я могу сделать? Я бы тогда слова не сказал. Но сидеть дома, нигде не работая и зная, что заказ надо выполнить всего за неделю? И только для того, чтобы мне подгадить? У них что, желчь разлилась? Захотели, чтобы я не потянул? Ведь я же из-за них от Ван Клифа ушел».

После мамы я поднимаюсь к Моне. «Слушай, — говорю, — если тебе я такое еще когда-нибудь прощу, то этому лысому, зятю твоему, только в том случае, если у меня вот здесь на ладони вырастет шпинат. Как ты мог? Ты же знаешь меня, знаешь мой характер. Вы думали, что я на колени стану? Просить буду? Работа была сумасшедшая. Но я ее все равно

сделал. Вот деньги». И показал ему для наглядности заработанную пачку. И ушел. После этого мы с ним три года не разговаривали. Три года.

Симон Рудле. Яйцо на подставке

Работы Симона Рудле

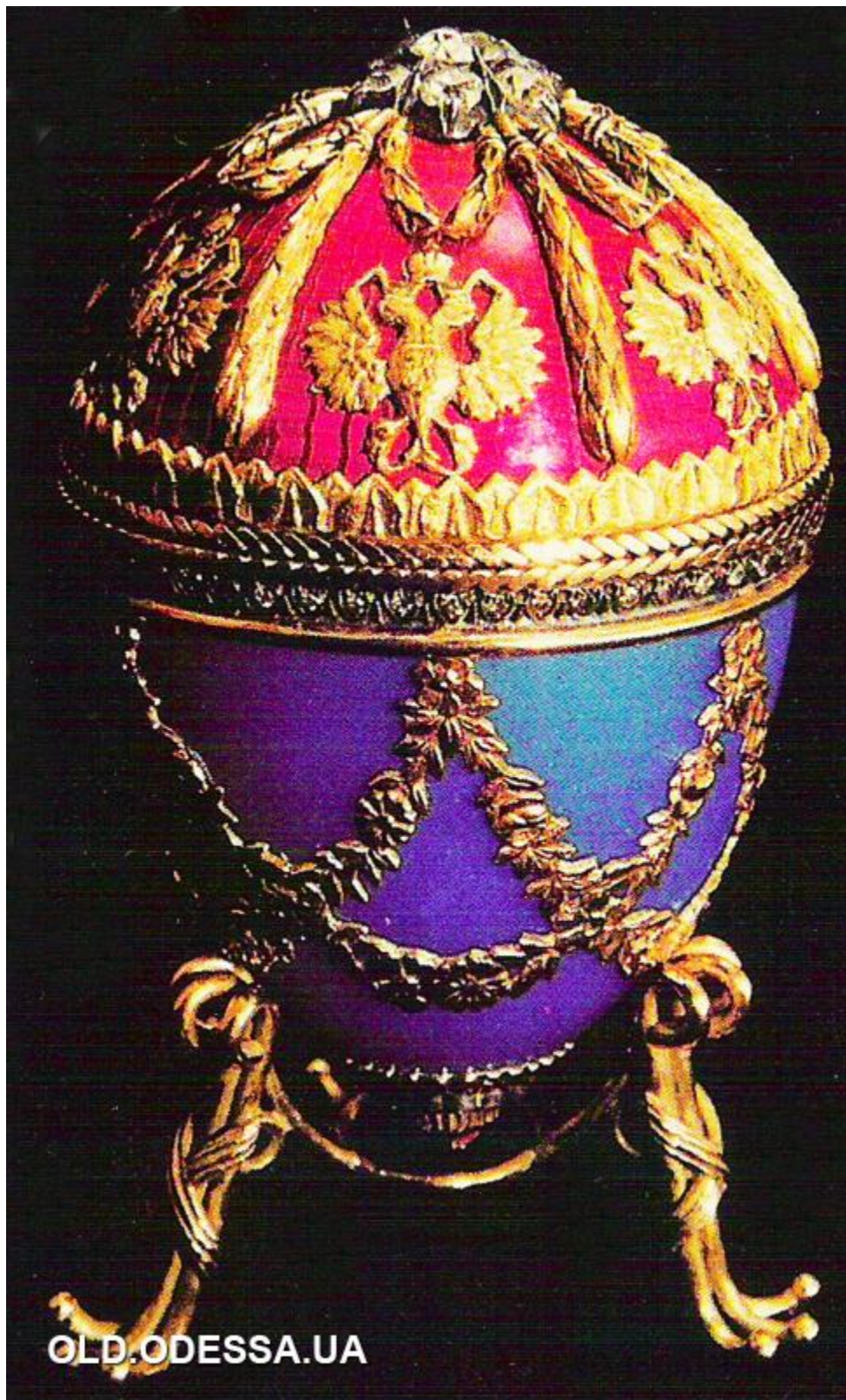
Как я уже говорил, у хозяина он работать не мог. Со временем один его ученик, который работал в какой-то фирме, взял его. Но Моня языка не знал, плюс его характер — это был ужас один. У него поднялся сахар. Он похудел. Половины от него не осталось. Мама приходит ко мне и говорит: «Сима, ты должен его забрать к себе. Если ты его не заберешь, он умрет».

Дядя Моня — это же не кто-то. Это ж мой, родной мне человек. А мы жили все в одном доме. Я ведь им всем квартиры приготовил к их приезду. Поднимаюсь к нему и говорю: «Так, слушай. Завтра выходи на работу. Без всяких извинений, без ничего. Ты мне нужен». В общем, Моня вышел на работу. К тому времени мой бизнес сдвинулся с мертвой точки. У меня уже работало двенадцать человек. Пошла клиентура. Аукционы стали принимать мои

изделия. И Моня ожил. В шестьдесят пять лет ушел на пенсию. А я продолжаю работать на себя. Ездил на аукционы. Два моих кольца были признаны лучшими на выставке в Женеве. Две броши, которые мы сделали вместе с Моней, хранятся в Оружейной палате.

И еще один эпизод. Когда я работал еще в Одессе и сделал свое первое кольцо, его на Международной ярмарке приобрела Елизавета II.

Такие ярмарки ежегодно проходят в разных странах: в Англии, в Швейцарии. Королеве Англии оно, видимо, так понравилось, что когда на последующие ярмарки стал являться уже ее доверенный человек, то он непременно интересовался: «У вас есть какие-нибудь изделия Симона Рудле?» Сейчас в коллекции Елизаветы II находятся уже три кольца моей работы. Это то, чем я горжусь. Я многого достиг. Мое искусство востребовано. И в этом — смысл всей моей жизни».

Пасхальное яйцо Работы Симона Рудле

Симон Рудле. Портрет Николая II Симон Рудле.

OLD.ODESSA.UA

Брошь «Бабочка»

OLD.ODESSA.UA

Работы Симона Рудле

*Яйцо с надписью «Помним сентябрь» с размещенной
внутри корзиночкой с цветами.*

*Деньги от его продажи Симон Рудле передал семьям
погибших от террористического акта 11 сентября 2001
года в Нью-Йорке*

2005 год

Симон Рудле в Пантеоне Славы тяжелоатлетов США

Мастер спорта по тяжелой атлетике из Одессы, получившее это звание еще в 1968 году, когда ему едва исполнилось 17 лет, сегодня, будучи уже в зрелом возрасте, удостоен высоких званий чемпиона США и мира в своей возрастной группе. Этот несомненный успех позволил нашему соотечественнику Симону Рудле навсегда прописаться в Пантеоне Славы тяжелоатлетов США. Редчайший успех!

...Когда началась война, будущему рекордсмену и чемпиону мира по тяжелой атлетике исполнилось всего лишь три месяца.

Вместе с мамой они отправились тогда в эвакуацию – в старинный узбекский город Андижан. Вскоре туда пришла трагическая весть о гибели на фронте отца. Такая же участь постигла и другим его близким людям.

Вернувшись после войны в родную Одессу, Симон вскоре по-настоящему прикипел к спорту: бокс, акробатика, борьба... Но судьбе было угодно, чтобы на своем пути он встретил Аркадия Трахтенберга, в то время чемпиона Одессы по штанге. И, пошло, поехало: уже в 1963 году участвовал в Спартакиаде народов СССР и занял призовое место, уступив лишь первые ступеньки пьедестала почета таким асам тяжелоатлетического помоста, как чемпионы мира: Евгений Минаев и Евгений Коцура.

К сожалению, в последние годы стали-таки сказываться зигзаги военного лихолетья, иммигрантские будни. Но наш ветеран не стареет ни душой, ни телом. Несмотря на перенесенные тяжелые операции, он продолжает свои регулярные тренировки в тяжелоатлетическом зале Еврейского общественного Центра «Шорфронт». Рудле вовсе не собирается сдавать свои позиции, а наоборот, — наращивая свою мощь и оттачивая технику, готовится еще раз подняться на высшую ступеньку мирового пьедестала почета.

*EMERALD AND DIAMOND PENDANT NECKLACE ,
SIMON RUDLE*

28 November 2018

Sale price: 87,500 GBP (Продано)

Подвеска с овальным изумрудом, весом 89,90 карата, в оправе с листовенным узором, украшенной паве из бриллиантов классической огранки, с окантовкой из тысячелистника, поддерживаемой аналогичной подвеской с центром в бриллианте классической огранки, и шарнирное ожерелье, состоящее из звенья с бриллиантами круглой огранки с цанговым зажимом, длина около 445 мм, подпись S. Rudle, недостает одного бриллианта.